

Джузеппе Берти
СОЦИАЛИСТ-УТОПИСТ 40-х годов XIX века
МИКЕЛЕ ФОДЕРА

Перевод с итальянского *Л. М. Бродской*
М.: изд-во Академии Наук СССР. 1962. С.228-255

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2011*
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm
Ссылки на материалы по теме даны нами в конце статьи.

В 1839 г. в Палермо вышло небольшое анонимное сочинение под заглавием: «Социальная система Шарля Фурье»¹. Каким образом такому сочинению удалось избежать строжайшего контроля бурбонской полиции и различных цензур? Сколько мы не искали в архивах Палермо, нам не удалось найти каких-либо данных, позволяющих дать верный ответ на этот вопрос. Несомненно, что анонимное сочинение о Фурье не было простой перепечаткой произведения, опубликованного за границей, хотя и подобный факт, имея он место в 1839 г. в государстве Обеих Сицилий, представлял бы несомненный интерес. Сочинение это содержало не только выдержки из речи, произнесенной Nauger над могилой Фурье, но и ряд соображений анонимного автора, утверждающего, что «идеи фурьеристов, хотя в сущности и весьма просты, настолько далеки от общепринятых, что не легко дать о них представление лицам, которые знакомятся с ними впервые»². Это и являлось целью данного сочинения: изложить социальную систему Фурье и показать намеченный им путь преодоления противоречий общественного развития.

Автор — это следует подчеркнуть — не дает критического изложения учения Фурье, а открыто становится на его сторону. «Мы вовсе не думаем,— пишет он,— что наши читатели настолько мало знакомы с политическими и социальными науками, что по нашему несовершенному очерку не смогут составить себе представления обо всех преимуществах, возникающих при проведении в жизнь идей Фурье. Это — изобилие продуктов, обусловленное простотой и слаженностью отношений между трудящимися, участием в труде богатых и средних классов, избавленных от пагубного безделья, а также множеством привлекательных свойств труда, каковыми будут участие в нем их детей и жен; краткость рабочих сеансов, благоустроенность и красота рабочих помещений, радость, которую дает жизнь на лоне природы среди многочисленных, любящих свой труд земледельцев.

¹ Sistema Sociale di Carlo Fourier. Palermo, 1839, presso Francesco Spampinato, strada Schioppettieri, n. 26.

² Ibid., p. 6.

Это — доведенное до совершенства качество продуктов, обусловленное этими же причинами, а также соперничеством трудящихся, принадлежащих к одной ассоциации, и соперничеством между ассоциациями и, наконец, чувством прекрасного, которое будет естественно присуще человеку с исчезновением гнета нищеты и страха перед завтрашним днем»³. И дальше автор восклицает: «А как же будут развиваться механические ремесла, сделавшие такие успехи в наши дни, когда умы будут работать над их совершенствованием? В той же мере, в какой изобретение машин в наши дни представляется роковым событием, лишаящим рабочих куска хлеба и, можно сказать, обрекающим на смерть тысячи людей, оно окажется полезным тогда, когда выгодами, которые несет с собой применение машин, воспользуются в частности те, кого они вытесняют, и когда многообразие знаний каждого — плод короткого рабочего времени — избавит человека от опасения неожиданных переворотов в какой-либо отрасли промышленности»⁴. Отсюда заключение: «О, приходите к нам..., приходите к Фурье, и мы вам покажем, какое будущее ждет человека и что склонности человека тоже имеют свои законы, свой удивительный порядок, что они представляют собой шедевр творения»⁵.

Выяснить точно, кто именно является автором этой книжечки, будет весьма трудно, пока в архивах неаполитанских местных властей и министерства неаполитанской полиции не удастся обнаружить какие-либо точные указания. Известно, правда, что в 1839 г. отправился в Париж один из наиболее передовых деятелей палермской группы патриотов Франческо Мило Гуджинно, объявивший себя в 1848 г. социалистом. Но в своих политико-социальных сочинениях Мило критически отзывался о французских утопистах Фурье и Сен-Симоне. Известно также, что проживший много лет в Париже уроженец Джирдженти Микеле Фодера был вынужден в 1831 г. вернуться в Сицилию; его утопическая система, изложенная им в 1844—1845 гг. (сочинение это было опубликовано в Палермо в 1846 г.) имела по существу много точек соприкосновения с системой Фурье. Однако в 1846 г. Фодера считал таких утопистов, как Фурье и Сен-Симон, недостаточно радикальными.

Оживленные споры о Фурье и Сен-Симоне вел с Мило барон Корвайя, но и он не разделял взглядов Фурье и выдвигал собственную банкократическую утопию.

После 1840 г. в Палермо наблюдается заметное оживление публицистики, появляется множество новых газет, журналов и т. п. Нельзя сказать, что все эти издания носят прогрессивный характер, но примечательно, что большинство их редакторов

³ Ibid., p. 17—18.

⁴ Ibid., p. 19.

⁵ Ibid., p. 23.

можно причислить к тем людям, которые несколько лет спустя присоединились к крайне левому крылу патриотического демократического движения. Уже в 1842 г. министр полиции Дель Карретто указом от 13 октября закрыл редактируемый бароном Мортилло «Giornale di Scienze, Lettere ed arti per la Sicilia» за то, что в нем была напечатана «История», принадлежавшая перу Амари. Показательно, что Мортилло, Вито д'Ондес Реджио, Феррара, Эмерико и Микеле Амари принадлежали к поколению, которому было немногим больше тридцати лет. Поражает, однако, что, начиная с 1840 г., отмечается расцвет инициативы самых молодых. Например, Джачинто Карини — главному редактору газеты «Concordia» (разрешенной Дель Карретто в конце 1840 г.) едва исполнилось девятнадцать лет; другому редактору Изидоро Ла Лумиа — всего семнадцать. Очень молодыми были также редакторы Гаэтано ди Паскуале и Антонио Онофриа — патриоты, которые сыграли впоследствии большую роль в политических событиях в Сицилии. В декабре 1841 г. Микеле Фодера обратился за разрешением издавать журнал «Scienze fisiche e morali, Lettere ed arti» и почти одновременно газету «L'Universale»; тогда же, в декабре 1841 г. Франческо Мило Гуджино просил разрешения на издание журнала «La Galleria del bon ton», который в сентябре 1844 г. принял название «Galleria istruttiva». Но естественно, правительство не очень доверяло авторам, сотрудничавшим в этих журналах, что видно хотя бы из того, что Дель Карретто дал разрешение Мило издавать журнал при условии, что он будет неукоснительно хранить «молчание по политическим вопросам»⁶. На таких же условиях Дель Карретто разрешил в 1843 г. Вито Бельтрами и Гаэтано Даита издавать газету «La Falce», которая через год была закрыта. Мотивы этого запрещения указаны в документе, приводимом нами в примечании⁷.

⁶ Государственный архив в Палермо (далее: А. С. Р.). Полицейская префектура, д. 422.

⁷ Там же. «Господин префект полиции города Палермо! Имея привычку просматривать все, что публикуется в Сицилии, я прочел № 40 и 41 за второй год издания газеты «La Falce», которая печатается в этом городе. Что касается статьи, посвященной истории Консульства и Империи, то трудно сказать, чего здесь больше: дерзости ли автора, представляющего на одобрение цензора текст, содержащий критику цензуры, или глупости цензора, который эту критику одобряет. Автор статьи превозносит свободу печати, как весьма полезную по многим причинам, ибо она позволяет с большей легкостью отличать правду от лжи, добро от зла, добродетель от порока; затем он гневно нападает на тех, кто злоупотребляет своей властью, посмеив подвергнуть цензуре Историю Тьера (sic!), объявляет недостойными писателями XIX века тех, кто не признает значения школы революции 1789 года и опорочивает систему народного представительства. Автор восхваляет положительные результаты, к которым привели эти исторические события и которые знаменуют собой прогрессивное развитие общества; наконец, он утверждает, что прогресс ненавидят только те, кто с отвращением относится к современности лишь потому, что современность более свободна во всех своих проявлениях. Провозглашение

Между тем в 1846 г. в том же Палермо в типографии Микеланджело Консоле была напечатана небольшая книга, которая не могла не вызвать новой вспышки гнева Дель Карретто. Речь идет о сочинении Микеле Фодера «La abitudine dichiarate secondo la teoria della verità di Michele Foderà» («Привычки, объясненные согласно теории истины Микеле Фодера»).

О Фодера мы располагаем лишь приблизительными биографическими сведениями. Сын Антонио Фодера из Карини (Палермо) и Паолы Вулло из Джирдженти, Микеле родился в этом городе 30 апреля 1792 г.⁸ Предполагают, что семья отца Фодера была родом из Кастелламаре дель Гольфо (Трапани), откуда она сначала переехала в Карини, а затем в Джирдженти, где она основала фабрику для изготовления мыла. Получив образование в Катании и добившись стипендии для продолжения занятий, Микеле поехал в Париж, где остался надолго — на целых пятнадцать лет, как утверждает один из его любимых учеников, Антонио Мендола⁹. Эти данные не совсем верны, ибо Фодера, по-видимому, окончил занятия в Катании в 1818 г. Как бы там ни было, в книге, которую он написал и издал в 1822 г. и посвятил кавалеру де Броваль¹⁰, мы находим указания на то, что Фодера жил в Париже уже во время волнений 1820 г., происходивших в королевстве Обеих Сицилий. «Мне приятно вспомнить, — писал он в этой книге, — что в то время, когда на мою родину обрушивались несчастья, которые отдавались болью в моем сердце, я находил утешение в вашей благородной дружбе»¹¹.

Исследователи местной истории Катании утверждают, что Фодера был карбонарием и что он отправился в Париж вместе с композитором Винченцо Беллини, но у нас нет никакой возможности проверить эти сведения. Правда, предисловие к его книге выдержано в духе кредо масонов-карбонариев, об этом же говорят приведенное нами выше признание Фодера и его гуманистические социальные устремления, которые нашли свое

подобных принципов, диаметрально противоположных нашим гражданским порядкам, исключает с моральной точки зрения всякое оправдание для того, кто пишет, и возможность каких-либо сомнений у того, кто призван санкционировать провозглашение этих принципов, вследствие чего следует вынести порицание как писателю, так и цензору. Руководствуясь этими соображениями, я отдаю распоряжение о снятии, вплоть до нового распоряжения, с занимаемой им должности цензора аббата Гарайо, причем, Вам, господин префект, следует позаботиться о его замене, а также и о закрытии журнала «La Falce». Министр, государственный секретарь Дель Карретто».

⁸ А не в Катанье в 1793 г., как указано в «Enciclopedia Italiana».

⁹ Sulla scientifica medica istruzione. Pensieri del Professor Mechele Foderà esposti da Giuseppe Mendola. Palermo, 1863.

¹⁰ Recherches sur les sympathies par Michel Foderà, docteur en medecine et en philosophie, pensionnaire de S. M. le roi des Deux Siciles, correspondant de la Societè Linneenne de Paris, etc.

¹¹ Ibidem.

отражение даже в его первом сочинении. «Ничто не может сравниться с любовью к человечеству,— пишет он де Бровалю.

Основная идея этой работы — единство живого мира. Он считал, что в мире минеральном, растительном и животном наблюдается процесс градуального и прогрессивного усовершенствования функций. Но нельзя говорить об абсолютном различии, ибо количественный момент не обуславливает абсолютного различия.

Можно отметить только градацию совершенствования явлений чувствительности, и для изучения этих явлений следует оставить метафизические изыскания и опираться лишь на наблюдения, на непосредственный опыт. Уже в этом первом труде Фодера выступает перед нами как убежденный материалист. Будучи ассистентом физиолога Маженди, он был связан с самыми знаменитыми французскими учеными: Порталем, Жуссье, Кювье. В годы, когда Франсуа Жозеф Бруссе пользовался в научном и медицинском мире Франции почти неоспоримым авторитетом, Фодера оказался среди тех немногих, которые критиковали его учение и взгляды как недостаточно научные. Критика Фодера, принятая вначале весьма недоброжелательно, с течением времени оказалась вполне обоснованной.

В 1828 г., после смерти знаменитого неаполитанского врача Доменико Котуньо, Фодера был назначен на его место в Институт Франции. По данным некоторых биографов, в 1831 г.¹² Фодера был приглашен в Италию бурбонским двором для занятия кафедры профессора физиологии в Палермском атенеуме. Во всяком случае в 1840 г. в Палермо был издан труд Ришера на «Новые элементы физиологии» в переводе Мендола и с добавлениями из лекций Фодера; отсюда ясно, что Фодера до 1840 г. уже преподавал в Палермском атенеуме. В 1846 г. вышел в свет его главный труд «Привычки, объясненные согласно теории истины».

Знал ли уже Дель Карретто что-нибудь о Фодера? Понятно, что для ученого, пользовавшегося уже такой известностью за границей, предложенный ему в Палермском университете пост представлялся весьма скромным. И хотя вполне возможно, что он во время своего пребывания во Франции посещал круги фурьеристов и сен-симонистов, однако, как сообщают его упомя-

¹² Эта дата уже встречается в приводившихся выше биографических данных, сообщаемых Мендола, который пишет, что при дворе в Неаполе «Фодера встретили любезно, но без настоящей доброжелательности», и, «поскольку он был непоколебим в своих принципах, Фодера не пользовался в государстве Обеих Сицилий таким почетом, которым он пользовался во Франции». См. также данные, приведенные в «Большом словаре» Ларусса (дополнительный XVII том); см. также: G. Fubini. Annuario della Università di Palermo 1887—88; G. Licata Lopez. Della vita e delle opere di M. Foderà. Girgenti. Но ни Фубини, ни Лопес не уделяют никакого внимания утопическому социализму Фодера и не сообщают по этому вопросу никаких данных.

нутые выше биографы, особое внимание проблемам экономического и социального характера уделял он именно в период пребывания в Палермо, где в свинцовой атмосфере полицейского режима государства Обеих Сицилий оказался лишенным научных связей и возможностей, которыми пользовался в Париже. Нам известно, что уже в июне 1846 г. между министром полиции в Неаполе и палермским префектом возникла переписка по вопросу о допущении Фодера на ставший вакантным пост президента Медицинской академии. Из Палермо поступала благоприятная информация, но Неаполь не доверял Фодера. Несколько месяцев спустя вышла книга Фодера, и немедленно последовало послание министра полиции Дель Карретто заместителю в Палермо¹³. Вскоре книга была запрещена. Впрочем, судя по тому, какие страницы книги не понравились министру полиции, ясно, что Дель Карретто поразили только некоторые малопочтительные высказывания о монархическом образе правления и что от него полностью ускользнул крайне радикальный смысл книги вообще. Тем не менее Фодера был арестован и около двух месяцев пробыл в заключении вместе со своим учеником Мендола.

Почему мы придаем такое большое значение книге «Привычки, объясненные согласно теории истины», станет ясным, если учесть, что в Италии не существовало какой-либо утопической системы, подобной системам Сен-Симона и Фурье. Книга Фодера заполняет эту брешь.

Правда, в этом труде встречаются несуразности и противоречия, но их не больше, чем, например, в таких работах, как «Теория четырех движений и общих судеб»¹⁴ Шарля Фурье. Изданное в Сицилии сочинение Фодера попало на неблагоприятную почву и не встретило одобрения. Будь оно издано во Франции, оно, естественно, вошло бы в общий поток французской утопической мысли, и это ни у кого бы не вызвало удивления. Фурье, как известно, пытался применить к нравственному миру закон

¹³ «Неаполь. 17 ноября 1846 года — Главному заместителю Палермо. Ваше превосходительство! В Палермо с одобрения Управления по делам народного просвещения была издана напечатанная в типографии Микеланджело Консоле книга доктора Микеле «Привычки, объясненные согласно теории истины». Я хотел ознакомиться с этой книгой и, просматривая ее, не мог не удивиться тому, как Управление по делам народного просвещения разрешает печатать и распространять идеи, столь противоположные нашим правительственным принципам.

Прошу Ваше превосходительство просмотреть страницы 86, 87, 101 и 102, дабы убедиться в справедливости моих слов; после сего прошу Вас авторитетно поставить это на вид цензору, одобрявшему данное сочинение, и сообщить о случившемся председателю Управления по делам народного просвещения. Подпись: Министр Дель Карретто» (A. S. P., д. 514). Но со временем полиция поняла, что в книге заключается нечто более серьезное, и 13 февраля 1847 г. вышел приказ о ее изъятии (были изъятые из продажи оставшиеся 249 экземпляров).

¹⁴ Theorie des quatre mouvements et des destinées générales. Lion, 1931.

всемирного тяготения, открытый Ньютоном для мира природы. Отсюда формулы и математический стиль его произведений, отсюда теория притяжения страстей и космология Фурье. Несмотря на то, что из некоторых, правда, не очень точных, указаний биографов явствует, что Фодера был знаком во Франции с Пьером Леру и сен-симонистами, не подлежит, однако, сомнению, что он от сен-симонизма ничего не перенял. Между его системой и системой Фурье имеются некоторые точки соприкосновения, хотя Фодера нельзя рассматривать как фурьериста. Система Фодера совершенно оригинальна, она содержит элементы полемики с другими утопическими учениями, в том числе с учениями Сен-Симона и Фурье.

Но такого рода позиция была характерна для многих авторов социальных утопий, считавших правильным лишь свое учение и ложными все прочие. Укажем хотя бы на сочинение Фурье «Ловушки и шарлатанство обеих сект: Сен-Симона и Оуэна»¹⁵. И все же, если мы захотим провести аналогию между утопическим социализмом Фодера и системами французских утопистов, то целесообразнее сравнивать взгляды итальянского мыслителя со взглядами Фурье.

У обоих утопистов имеется общая исходная точка; оба они пытаются применить к социальному миру те новые учения, которые осветили ярким светом мир природы. Фурье исходит из открытий Ньютона и ищет принцип единства в мире материальном и духовном. Фодера исходит из биологических открытий и, установив принцип единства в природе, пытается найти научный путь для приведения в единую систему законов, управляющих обществом. По мнению Фодера, порок социального мира состоит в том, что он управляется не научными законами, а привычным поведением людей, которое является иррациональным результатом предрассудков и варварских суеверий. Разве есть что-либо рациональное, человеческое, научно-обоснованное, спрашивает он, в религиозных обрядах, согласно которым матери приносили своих детей в дар статуе Молоха, обрекая их на сожжение на жертвеннике, или в бесчисленных подобных религиозных обычаях и суевериях, встречающихся в истории человеческого рода? Причем, по мнению Фодера, не только в области религии, но во всех областях жизни люди в своем поведении в обществе связаны отжившими, иррациональными и антиобщественными обычаями.

Поэтому, заявляет Фодера, необходимо реформировать человеческие обычаи. Иррациональный фанатизм проявляется в обычаях людей не только в области религии, но и в области социально-юридической, и Фодера отмечает абсурдность существ-

вующих форм управления, при которых несправедливость стала «привычной для тех, кто управляет», а «заблуждения стали привычными для народа»¹⁶. Если общество желает двигаться вперед, оно должно освободиться от ошибок, порождаемых устаревшими обычаями. Привычки сделали мир иррациональным; наука сделает его рациональным. Фодера считает, что если люди хотят выйти из периода преистории, если они действительно стремятся идти вперед, то они не должны больше следовать устаревшим привычкам, а руководствоваться подлинной истиной, истиной, которая, по мнению Фодера, заключается в науке; справедливая социальная система — не что иное, как общество, устроенное согласно законам науки. Если верно, что высшее существо является высшей истиной, то возражение, что подобное устройство противоречит религии, теряет всякую силу. «Deus est veritas» — говорит святой Фома Аквинский¹⁷. Поэтому нас нельзя назвать атеистами: атеисты это те, которые используют религию, чтобы угнетать народ. Человеческий род достигнет счастья, когда овладеет теорией истины (Фодера называет ее *aletia*) и применит ее на практике. Эта теория должна охватывать не только математические и естественные науки, но и науки общественные.

Уже по одним этим сведениям об утопической системе Фодера можно судить о его идейной близости Фурье; в то же время нетрудно уловить в системе Фодера то общее, что присуще системам Фурье и Сен-Симона, то, что впоследствии нашло свое выражение в позитивизме. Не говоря уже о Сен-Симоне, критика так называемых неточных наук и попытки Фурье подойти к изучению человека и общества на основе позитивной науки, опирающейся на основополагающие законы природы, являются признаками сложившегося впоследствии позитивизма.

Будучи биологом, физиологом, Фодера в своей утопической системе исходит из тех же отправных идей позитивизма, хотя он и опирается на те науки, в области которых он был специалистом. В его учении, предусматривающем применение законов математики и естественных наук к рациональному устройству общества, наблюдается аналогичная позитивистская тенденция: идея о динамике и математике нравственного и социального мира, подобных динамике и математике мира природы.

Однако Фодера вкладывает в эту идею весьма оригинальный смысл. У него динамика становится подлинной диалектикой: утверждение, отрицание и отрицание отрицания, процесс развития действительности, осуществляющийся посредством триады, нередко путанной и сложной, но все же сходной с триадой Гегеля, хотя неизвестно, был ли Фодера знаком с философской

¹⁵ «Pièges et charlatanisme des deux sectes de Saint Simon et d'Owen». Paris, 1831.

¹⁶ M. Foderà. *Le abitudini dichiarate...*, Palermo, 1846, p. 3.

¹⁷ *Ibid.*, p. 164—165.

системой Гегеля (Винченцо Мортилло сообщает, что около 1840 г. в Палермо в передовых кружках, объединявших людей прогрессивной мысли, изучали и обсуждали труды Гегеля, и среди тех, кто изучал Гегеля, упоминает д'Ондеса Реджио)¹⁸.

Другой точкой соприкосновения с фурьеризмом в утопической системе Фодера является значение, придаваемое им космологии, теории о том, что «космические флюиды — это самые мощные возбудители в природе»¹⁹, теории диалектической связи, существующей между миром космическим, звездным и земным; именно здесь проявляется идейная близость с Фурье. Однако, в отличие от Фурье, Фодера получил основательное научное образование и был признанным ученым — физиологом и биологом, благодаря чему молодой сицилианец из далекого Джирдженти, попав в Париж, приобрел здесь вскоре настолько широкую известность, что в 1828 г. его избрали членом Института Франции на пост, освободившийся со смертью знаменитого ученого Доменико Котуньо. Но в его труде, как во многих других утопических системах, наряду с гениальными научными предвидениями встречаются и априорные произвольные утверждения.

Когда люди «однажды согласились признать ложное мнение и запечатлели его в своем мозгу как истинное, то становится так же невозможно внушить им истину, как и писать разборчиво на бумаге, покрытой каракулями»²⁰, — говорил Фодера. И все же, если мы хотим выйти из эпохи иррационального фанатизма, избавиться от ошибок, вытекающих из вековых привычек, в корне изменить привычки людей, то первый шаг к этому заключается в том, чтобы формулировать и познать теорию истины.

Прежде чем углубиться в суть основной темы, Фодера на первых 47 страницах своего труда рассматривает привычки в растительном и животном мире; эти страницы относятся скорее к истории физиологии и биологических учений, чем к занимающему нас вопросу. Это учение о привычках предвосхищает в примитивной форме учение Павлова об условных рефлексах. Впрочем, нелегко установить, каков был подлинный замысел автора: то ли это своеобразное введение, трактующее физиологические и естественнонаучные темы, должно было скрыть от цензуры бурбонской полиции социалистическо-коммунистическую направленность сочинения, то ли оно составляло неотъемлемую органическую часть самой доктрины. Так или иначе, такое построение книги оказалось благоразумным, ибо первая ее часть производила впечатление обычного трактата по физиологии, и лишь тогда, когда Фодера приступает к

рассмотрению «значения моральных чувств в связи с проблемой справедливости», он переходит от вопросов физиологии «к привычкам людей в обществе». Фодера устанавливает «идеальное уравнение» между истиной и справедливостью; однако речь идет не о соответствии некоего тождества-противоречия, свойственного относительной истине, но об абсолютном тождестве, которое и есть абсолютная истина²¹. Это собственно, и есть ключ к учению Фодера: то, что в учении о мире природы является теорией об истине, в мире социальном есть ее абсолютное тождество, т. е. абсолютная истина, или естественное и нравственное состояние людей, которым является состояние справедливость-равенство.

Устранив из текста Фодера запутанные формулировки философско-научного характера, мы снова встречаемся с мыслью Руссо, карбонариев и Фурье: люди рождаются свободными и равными, и только с того момента, как какая-нибудь каста начинает господствовать над другими, возникает несправедливость, неистинность, вследствие чего возвращение к справедливому общественному строю произойдет тогда, когда общество вновь будет основываться на естественных законах.

Установив тождество между истиной и справедливостью в качестве закона природы (ибо естественный закон представляет собой научную истину как таковую), Фодера утверждает, что научный, естественный закон социального мира представляет собой справедливость, а для него справедливость идентифицируется с равенством; «Принцип справедливости означает равенство или *уравнительность*»²². Стесненный бурбонской цензурой, Фодера играет словами, но его мысль ясна: социальный закон справедливости есть закон равенства. Поэтому не должно вводить нас в заблуждение весьма частое употребление выражения *справедливость*, ибо речь идет о *справедливости-равенстве*, о равенстве социальном. «Справедливость-равенство, — пишет Фодера, — является абсолютной основой нравственности и всех человеческих отношений; если ее нет, всякий общественный строй порочен, если ее нет, добродетель не будет добродетелью, и столь хваленая античная добродетель греков, римлян, карфагенян и других народов, о которых рассказывают изумительные вещи, по-видимому, является героизмом, а отнюдь не добродетелью, в отношении которой решающим критерием является равенство. В порочных общественных отношениях главной пружиной является выгода, заинтересованность, причем выгода была нормой в античном мире и является таковой и поныне. Выгода разделяет мир. До тех пор, пока мир будет руководствоваться выгодой, пока будет эгоизм, миром будет управлять *варварство*»²³; по мысли Фодера, «мир станет цивилизованным тогда,

¹⁸ Cfr V. Mortillaro. *Leggende storiche siciliane*. Dal XIII al XIX secolo. Palermo, 1866, p. 347.

¹⁹ M. Foderà. *Op. cit.*, p. 202.

²⁰ *Ibid.*, p. 96.

²¹ *Ibid.*, p. 48—49.

²² *Ibid.*, p. 268.

²³ *Ibid.*, p. 49.

когда интересы отдельного человека уступят место интересам все более и более широких общественных групп, а в конце концов интересам всего человечества», «когда осуществится идеал католического сенобизма»²⁴⁻²⁵. Под католическим сенобизмом Фодера, дабы зашифровать свою мысль, подразумевал *всемирный коммунизм*. Требовалось немало ловкости, чтобы легально, с одобрения цензуры, опубликовать при Бурбонах сочинение, в котором излагались основы социалистического учения. Употребляя термин «сенобизм», Фодера имел в виду фаланстерский коммунизм, а термину «католический» он придавал его первоначальное значение «всемирный».

Фодера полагает, что эти идеи не являются ни новыми, ни необычными. Их проповедовал уже персидский философ Зороастр, который, как полагал Фодера, также стремился к всемирному сообществу: другого значения не могла иметь описанная им борьба между богом добра Ормуздом и богом зла Ариманом, которая завершилась поражением бога зла. «И тогда земля превратится в царство равенства, будет существовать единое общество, один лишь образ жизни, один общий язык и люди станут счастливыми»²⁶.

В настоящее время, отмечает Фодера, экономические доктрины и право не опираются на научные основы, это не науки, а отражения привычек людей, поэтому они являются простой совокупностью эмпирических норм. Что делать, чтобы превратить их в подлинные общественные науки?

Посмотрим, пишет Фодера, в какую бездну погрузилась общественно-экономическая доктрина, поскольку в силу обычая она придерживается эмпирических норм²⁷. Даже мы, хотя наш ум и просветлен теорией истины, вынуждены придавать нашему изложению характер эмпирический²⁸, поскольку такая теория не ведома еще миру. Каковы могут быть суждения экономиста, который руководствуется эмпирическими нормами? Он рассматривает, с одной стороны, внутренние отношения в странах, с другой, — отношения международные, подмечает внешнюю сторону трудовых процессов, производимых продуктов, знакомится с различными отраслями торговли, системой налогов, таможенными тарифами — все это в той или иной степени связано с самым тяжелым трудом. «Чем обильнее льется пот со лба, тем радужнее кажется внешняя сторона явлений, тем роскошнее воздвигаемые дворцы, тем больше жизненных благ обеспечивают себе отдельные слои общества, тем пышнее и безудержнее роскошь и повелительнее раздается крик: *«Трудитесь, трудитесь»*. Поэтому

задыхающиеся от усталости бедняки лишены отдыха, поэтому дети, подгоняемые бичом, работают безостановочно по 14 часов в сутки. Не удовлетворенные еще этим богачи покупают людей, словно животных, и затем с помощью бича, палки и тяжелых наказаний заставляют их трудиться до тех пор, пока с их лба не польется кровавый пот. Даже тогда, когда бедняки умирают, измученные лишениями и доведенные до крайнего отчаяния, только одно волнует богачей — стоимость рабочего и выручка от продукта его труда. О, какая возмутительная безнравственность! О, какая жестокость! О, проклятая корысть! Но возможно скажут, что так было, но теперь этого уже нет. Пусть скажут так. Но разве то, что происходит в настоящее время, соответствует расчетам и, быть может, желаниям экономистов? Разве это является результатом сознательного выбора? Разве это соответствует справедливости, истине? Без истины не существует справедливости, без справедливости не может быть науки о нравственности, науки об обществе, экономической науки»²⁹. И здесь Фодера задает вопрос: для чего работают люди? Не ради богатства как такового, а для того, чтобы оно дало людям благополучие и счастье. Однако богатство приводит к счастью только в том случае, если им пользуется все население. И вот здесь «экономист поставлен в затруднительное положение и отвечает: им пользуются не все люди». «Разве к такому результату должна привести наука о нравственности? Если бы речь шла о результате науки о нравственности, то он должен был бы находиться в полном согласии со справедливостью. Разве справедливость допустит, чтобы нашелся хоть один несчастный, если все остальные счастливы?.. Разве общественные отношения действительно основаны на справедливости? Нет». Ибо «экономические отношения порочны, насковозь порочны»³⁰. Затем Фодера переходит к рассмотрению вопроса о деньгах и капитале. Он пишет: «Посмотрим, какое значение придают деньгам порочные общественные отношения. Сами по себе деньги представляют собой металл и стоимость его определяется трудом, затраченным на извлечение его из недр земли... до тех пор, пока эта стоимость остается неизменной, ничего ложного во всем этом нет»³¹. На деле же деньги, пущенные в обращение, приносят доход»³². Фодера продолжает: «Представьте себе банк, который дает займы из расчета пяти процентов и фонд которого составляет миллион; предположим, что банк этот добросовестно обслуживается, деньги из него не похищаются и вместе с доходами на них разумно используются. Что тогда получится? Вот что.

²⁴⁻²⁵ М. Fodera. Op. cit., p. 50. Сенобизм — монастырский коммунизм.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Ibid., p. 67.

²⁸ Ibid., p. 65.

²⁹ Ibid., p. 67, 68.

³⁰ Ibid., p. 69.

³¹ Ibid., p. 70.

³² Ibid., p. 71.

Каждые пятнадцать лет капитал удваивается и за сто с лишним лет увеличится... в сто раз; таким образом, неодоушевленный банк, который не работает, не трудится в поте лица, который по самой сути своей не способен ничего производить, и который при частом обращении его капиталов должен был бы терять ценности, вследствие того, что монеты уменьшаются в весе, когда трутся друг о друга, этот банк в конце концов поглотит все имеющиеся в обращении деньги, и вместе с этими деньгами все, что существует на земном шаре, все здания, земли и рудники и все, что только можно вообразить, все земное и все святое, и даже самую жизнь людей, что приведет, следовательно, к уничтожению человеческого рода. Вот самый безнравственный акт, доведенный до своего абсолюта, вот конечный результат экономических отношений»³³. По мнению Фодера, принцип свободы, приложенный к области экономики, означает свободную конкуренцию, то есть необузданную спекуляцию. Можно ли избежать этого, не нарушая при этом принципа свободы? И соответствует ли это науке, раз исчезает справедливость?³⁴ Разве согласуются с наукой таможенные и торговые системы, которые приводят к контрабанде и беззакониям, какие допускают англичане в Китае? Разве согласуются с наукой банки, биржи, сберегательные кассы, ломбарды, страховые общества, акционерные общества, спекулятивные операции, ради которых навязывается производство продуктов на землях и в климатических условиях для этого непригодных? Согласуются ли с наукой изобильное производство и доставка продуктов в изобилии в те места, где в этом нет нужды? Это приводит, как правило, к бесполезному расходованию рабочей силы и средств. А разве согласуются с наукой результаты введения машин и других полезнейших изобретений, которые в момент своего применения повергают в нищету и отчаяние громадное число трудящихся? «Чтобы не продолжать далее разговор о тысячах других последствий порочных общественных отношений, заметим в заключение, разве согласуется с наукой предоставление будущего человечества на волю судьбы»³⁵. В конечном счете Фодера приходит к следующему выводу: там, где нет справедливости, равенства, нет истины и нет науки, следовательно, современная мнимая политическая экономия является не чем иным, как сплошной путаницей³⁶.

Фодера считает, что для обеспечения справедливого социального порядка недостаточно философии, просвещающей людей и делающей их более совершенными, и всеобщей морали, основан-

ной на законах природы и вечном порядке, «но необходим план управления, составленный согласно принципам абсолютной справедливости», то есть абсолютного равенства.

В последней части своего труда Фодера набрасывает план новой гносеологии истины в том виде, в каком она проявляется в биологическом и космическом мирах (гносеологии несколько странной, но не лишенной гениальных научных предвидений) и затем возвращается к экономико-общественным проблемам, решению которых, в конечном счете, посвящена его книга.

По мнению Фодера, движение мира природы, движение мира общественно-экономического, а также мира идей определяется единой динамикой, но эта динамика не является результатом эмпирической механики. Он рассматривает в связи с этим мысли Биша, Ришерана, Дестюрута де Траси, опровергая и критикуя их: «Что может означать,— пишет он,— механическая или химическая связь органических движений, создающих наши идеи?»³⁷ Фодера полагает, что органические движения, создающие наши идеи, вызывается внутренней диалектической связью, и этот же закон управляет явлениями мира природы и явлениями общественно-экономическими. По его мнению, тождественное, рассматриваемое как абсолютное тождество, не способно к самопроявлению; абсолютно тождественное представляет собой абсолютный принцип, ибо совершенно невозможно, чтобы абсолютно тождественная вещь могла действовать и реагировать в отношении самой себя. Тождественное становится генетическим, если рассматривать его как относительное тождество... во взаимоотношении с отличным; из отношений тождественного с отличным возникает взаимосвязь, противоположность и прогресс³⁸. Этим законом противоположности является прогресс (алеция — *aletia*), «закон истины», единственный закон, управляющий как явлениями природы, так и явлениями общественной жизни.

Каким же образом по этим законам складываются общественные отношения? «*Без жизни не может существовать никакого общества,— пишет Фодера,— без пищи жить невозможно, следовательно, питание — основа жизни.* Для того чтобы жить, человек должен получать пищу от природы, отсюда следует, что отношение человека к природе в том, что касается питания, является основой общежития. Когда все люди, добывая себе пищу, находятся в одинаковом положении перед лицом природы, тогда отношения... складываются гармонично и в том, что касается природы и в том, что касается взаимоотношений людей»³⁹. «Отсюда ясно, что общественная цель не касается только отношения людей к природе, но также и отношения человека ко всему

³³ M. Fodera. Op. cit. p. 72.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibid., p. 73.

³⁶ Ibid., p. 74.

³⁷ Ibid., p. 134.

³⁸ Ibid., p. 135.

³⁹ Ibid., p. 251—252.

человечеству...; упрощенное представление об обществе, о социальном устройстве является неполноценным представлением, если его сопоставить с истиной, является представлением, порожденным эмпиризмом, то есть всеобщим варварством; идея, соответствующая истине, это идея о *сообществе*. Сообщество влечет за собой отношения тождества, то есть истины. Там, где нет сообщества, не может быть подлинного объединения, а есть лишь объединение ложное, а посему варварство, а не прогресс. Поэтому все социалисты, не освещенные светом истины, не поняли, что сообщество является основой общественного устройства, следовательно, никто из них при самых добрых и наилучших намерениях не понял сущности общественного сожительства; ибо проекты социалистов имеют в виду не общественное тождество, не человеческое сообщество, но частичное решение, которое вовсе не устраняет несогласий, враждебных отношений и войн между людьми, несмотря на то, что авторы этих проектов в душе стремились именно к этой священной цели»⁴⁰. По мнению Фодера, взгляды социалистов (хотя он по понятным мотивам и не называет имен, речь идет о Фурье, Сен-Симоне и других утопистах) исходят из превосходных и святых намерений, все же эти взгляды не настолько радикальны, чтобы на их основе преобразовать общество в коммунистическом духе. «Социалисты,— пишет он дальше,— вместо того, чтобы вырастить из плодородного семени прекрасное дерево, повели себя, как тот неблагоприятный садовник, который, желая сохранить старый, изъеденный, трухлявый ствол, прививает к нему в нескольких местах новые ветви»⁴¹, которые кажутся красивыми и цветущими, но в конце концов поражаются той же болезнью, которая губит ствол. Применяя диалектику для анализа отношений человека с природой и с обществом, Фодера объясняет, почему общество неизбежно придет к всемирному коммунизму: «Либо пища получается без труда в том виде, в каком она предлагается землей, и это обуславливает тождество, характерное для двух первых фаз, или же человек трудится, не покладая рук, чтобы ее получить, и это обуславливает различие. Получение пищи без труда приводит к двум фазам *абсолютного тождества и относительного тождества*, а получение пищи с помощью труда приводит к двум другим фазам *относительного различия и абсолютного различия*»⁴². «Этот способ добывания пищи на примитивной стадии развития одинаков не только для всех людей, но и для животных, которые однако и впредь будут тем же способом добывать себе пищу». «На этой примитивной, пер-

вобытной стадии развития наблюдается, по мнению Фодера, «абсолютное тождество в общественных отношениях»⁴³.

«Когда люди подчинили себе мирных животных и стали их пасти, чтобы питаться молоком и мясом, появился пастух. Это уже было прогрессом, ибо по условиям существования он уже отличается от всех животных; тем самым состояние абсолютного тождества исчезает, но поскольку люди еще не трудятся на земле, а лишь следят за пасущимися животными, то появление пастуха порождает *относительное тождество*. Чтобы могли возникнуть две последующие фазы — относительного различия и абсолютного различия — труд должен стать *трудом разобценным*, что в ходе прогресса и создает относительное различие, и должен стать объединенным трудом, что создает абсолютное различие»⁴⁴.

Иначе говоря, отрицание первобытной стадии общественного развития приводит, по мнению Фодера, к возникновению частной собственности (по его терминологии к *относительному различию и разобценному труду*), а отрицание частной собственности приводит к *абсолютному различию*, т. е. к *объединенному труду и всемирному коммунизму*.

«Относительное различие или разобценный труд создают разобщенность в самом труде на земле, поскольку каждый возделывает свой участок, земля разделена и подразделена на участки, обрабатывается по личной прихоти, без всяких норм и учета общих потребностей, следовательно, несогласованно, без обдуманной заранее, совершенной цели; поскольку индивидуальные интересы направляют работу часто в противоречии с интересами человечества, вследствие чего труд всегда расходуется с избытком и часто напрасно, время тратится неэкономно и человечеству в массе своей не остается времени на нравственное совершенствование, на то, чтобы выйти из состояния одичания, и еще меньше его остается на отдых и развлечения»⁴⁵. Более того, «разобщены государства... разобщены касты, разобщены сословия, разобщены семьи, разобщены интересы всех людей»... «Войны, восстания, массовые избиения, ненависть, вражда, распри, ссоры, тяжбы, притеснения, обманы, мошенничества, предательства, кражи, преступления; отсюда торжество невежества, фантазерства, отсюда ошибки, вечные предрассудки и противоречия..., отсюда родители в результате обманов становятся врагами своих детей; надеясь принести пользу собственному потомству, они наносят ему зло своим воспитанием, угнетают его, погружают в заблуждения вместо того, чтобы руководить его движением по правильному пути; отсюда злоупотребление умствен-

⁴⁰ M. Foderà. Op. cit., p. 252.

⁴¹ Ibid., p. 253.

⁴² Ibid., p. 253—254.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibid., p. 254—255.

⁴⁵ Ibidem.

ными способностями, в результате чего люди становятся обманщиками и лицемерами; злоупотребление скрытой силой, вынуждающее к пассивному послушанию, злоупотребление грубой силой, являющейся источником всякого рода деспотизма, причиной падения империй, созданных якобы в интересах общества в форме мнимых республик; отсюда закрепощение, рабство, праздность и принудительный труд; отсюда передача мер по предупреждению преступлений в руки недостойных; отсюда казуистичные и двусмысленные формулы, порождающие интриги и вечные тяжбы; отсюда необходимость в договорах и законах, которые часто вовсе не служат справедливости, при этом правосудие нередко продается с аукциона, а обеспечиваемая кодексом законов безопасность сводится на нет тайным и произвольным его толкованием; отсюда — столкновение справедливости с несправедливостью, награждение преступления, похвала добродетели, преследование заслуг; отсюда — тысячи злодеяний, оскверняющих и позорящих человечество. История является вселяющим ужас памятником этой третьей страшной фазы общественного развития... Такковы характерные черты *относительного различия и разобщенного труда* (т. е. строя частной собственности.— Д. Б.). Характерные черты *объединенного труда и абсолютного различия* (т. е. коммунистического строя.— Д. Б.) неизбежно должны быть противоположны чертам разобщенного труда и относительного развития; они должны достигнуть гармонии..., поскольку они станут формой выражения последней части истины, подлинной и существенной формой *самой истины, проявлением Бога, который и есть Высшая истина*»⁴⁶.

По мнению Фодера, золото — это демиург «эпохи разобщенного труда» (т. е. эпохи частной собственности — Д. Б.). «Необходимое — это основа жизни, но стремление обеспечить себе необходимое превращается в эгоистическую предусмотрительность, эта предусмотрительность получает внешнее выражение — и вот перед нами денежное богатство. Золото становится средством достижения любой цели, и часто цели преступной...; оно ведет к роковым потрясениям. Подлинные интересы, необходимость обеспечения пищи и удовлетворения всех потребностей превращается в потребность обладания деньгами, которые становятся самоцелью и тем самым злодейской причиной всех распрей, всякой несправедливости»⁴⁷. Для того чтобы судить о том, имеем ли мы перед собой хорошую политическую организацию, говорит Фодера, недостаточно сказать, что это правление деспотическое или республиканское, утверждать, что «первое отвратительно, а второе превосходно». Ибо они мало чем отличаются друг от друга в том, что касается подлинной человечности, под-

линного человеколюбия, соблюдения священного принципа *спасения*, по которому люди объявляются братьями *Спасителя*. Как при деспотическом, так и при республиканском способе правления бедняк ищет работу и не находит ее; голод толкает его на воровство, и тот, кто попался, идет на каторгу; если он при совершении своего проступка встречает сопротивление и, не имея возможности бежать, защищается и убивает, его ждет смертная казнь; но это еще не все: если деспот или партия, управляющая республикой, замышляет несправедливую войну, то они хватают бедняка и заставляют его убивать ему подобных и самого идти на смерть. Ради своих честолюбивых замыслов они придумывают тысячи сказок и требуют, чтобы этим *выдумкам* поклонялись как *высшей истине*. В эпоху *объединенного труда* (т. е. коммунизма.— Д. Б.), когда будет властвовать разум, а мудрость и высшая истина будут определять форму общественного строя, тогда расцветет подлинная культура, сила будет управляться разумом, и, поскольку этот разум станет общим разумом и сила общей силой, человечество будет пользоваться совершенным благоденствием, жить в мире и всеобщем согласии, правосудие станет синонимом безупречной справедливости, люди будут настоящими братьями *Спасителя*, они создадут подлинное сообщество, и на земле воцарится рай в форме, исполненной мудрости, заключающей в себе истинную *невинность*, вечную и неизменную»⁴⁸.

По мнению Фодера, *первобытный образ жизни*, состояние дикости и невежества, являются противоположностью последней стадии *подлинного сообщества*, в которой господствуют культура и мудрость, однако «несмотря на противоположность, эти две стадии все же сходны в силу тождественной черты, ибо и при первобытном обществе и при объединении людей в сообщество, все *одинаково ведут одинаковый образ жизни*»⁴⁹. Другими словами, человеческое сообщество, возникшее в форме первобытного коммунизма (форме, от которой люди отказались в эпоху частной собственности), в результате нового отрицания снова становится коммунистическим сообществом не только на более высокой ступени развития, но на последней и заключительной стадии человеческого совершенствования. Для Фодера — следует это отметить — отказ от первобытного коммунизма, наступление эпохи *разобщенного труда* (т. е. частной собственности) являлось несомненным регрессом, но прогресс этот все более и более превращается в регресс, если в свою очередь не последует новое отрицание, которое и приведет к последней стадии подлинного сообщества, т. е. всемирному коммунизму.

⁴⁶ Ibid., p. 262.

⁴⁹ Ibid., p. 265.

⁴⁶ M. Foderà. Op. cit., p. 256.

⁴⁷ Ibid., p. 260.

Эпоха объединенного труда характеризуется,— пишет Фодера,— общей участью всех людей, эпоха *разобщенного труда* — тем, что участь всех людей неодинакова; «достаточно отметить, что если часть человечества владеет собственностью, то другая не владеет ею, и, если одни ведут обеспеченное существование, то другие лишены уверенности в завтрашнем дне и обречены на горестное ожидание всяческих бед»⁵⁰.

Как видно из вышеизложенного, Фодера обращается с диалектикой по-своему, но с бесспорным умением. Достаточно обратиться, например, к главе о Беконе Веруламском и об априорном определении необходимости опыта⁵¹ или к главе о рационализме и эмпиризме как *фазах истины*. «Рационализм и эмпиризм,— говорит Фодера,— это средства для достижения цели, каковой является истина; в некоторых случаях человек стремится к ней с уверенностью, а в других — он остается во власти неуверенности, это и есть догматизм и скептицизм»⁵². Лишь научная мысль может понять и оценить значение *абсолютной* и *относительной* форм уверенности, так же как *абсолютное* сомнение может родиться лишь в мозгу человека, лишенного принципов, знаний, полного заблуждений и непреодолимых предрассудков. Если вследствие известной живости ума он решается избавиться от заблуждений, то он погружается в предельную неуверенность, в *неуверенность абсолютную*. Если же его ум ленив и с беспримерным легковерием принимает заблуждения за достоверное и предпочитает дремать, мирясь с ложью, вместо того, чтобы бодрствовать, пребывая в неуверенности, то качества эти присущи подлинному плембу нации, независимо от касты, одежды, благосостояния и уважения, которым он благодаря этому пользуется: они во всем уверены, само заблуждение представляется им истиной. Следует заметить, что невежественный и обездоленный народ, народ, настроенный скептически, является великим философом, в то время как образованный человек, обладающий эрудицией, ученый скептик представляет собой существо *ничтожное*, которое подобно слепому кроту живет в абсолютной темноте; вот кто является поистине *плембом*»⁵³. По мнению Фодера, все находится в процессе становления, и прогресс достигается путем развития противоречий; путь к истине также проходит через ряд фаз истины, причем значение и польза этих фаз чрезвычайно велики, ибо они раскрывают законы прогресса и противоположности и ведут к познанию процесса развития каждой вещи. Таким образом, познание из относительного становится абсолютным. Принцип связей вещей является принципом

теории и истины, является нормой для определения аспектов вещей... Когда действительно найдена связь, то этим и раскрывается сущность факта⁵⁴ или явления. Не считается с этим нельзя, ибо абсолютное тождество внешне себя не проявляет и невозможно найти причинности там, где она отсутствует, ибо причинность означает отношение, а там, где нет отношений, нет причинности и нельзя найти ни свойств, ни объяснения явлений.

Фодера полагает, что новый общественный порядок объединит «сердца и умы людей» и приведет к *общественной гармонии* (таким было заглавие одной из его работ, оставшейся неопубликованной после его трагической смерти). Новый общественный строй «устанавливается с утверждением мудрости, когда торжествует разум, а умственная жизнь принимает единую форму, форму истины, когда язык принимает универсальную, общечеловеческую, интеллектуальную и мудрую форму (единый, рациональный и универсальный язык)». Книги будут носить на себе печать единого научного метода, и творения человеческого ума будут отличаться единой чертой — они станут отражением истины, причем руководством будет служить ведущая формула познания, путем конституирования экономического планирования, что приведет к уничтожению праздности, дороговизны, всякого рода нищеты, к раскрепощению труда, который станет свободным от какой-либо формы принуждения, приведет к сокращению неудобств до минимума и к максимальной экономии усилий и времени, причем работа будет производиться с точным учетом общих человеческих потребностей и следовательно с соблюдением гармонического соответствия различных видов труда. Тогда высвободится время для образования, для отдыха и развлечений и максимально уменьшится заболеваемость. С утверждением *единства, тождества, справедливости, правосудия, нравственности, подлинного всемирного сообщества между людьми* установится совершенный образ жизни, присущий католическому сенобизму; и наконец, с утверждением всемирных и абсолютных форм выражения сущности бога будет основано подлинное общество — вот характерные черты последней фазы развития общества подлинного *человеческого сообщества*, вот вершина прогресса цивилизации в *соответствии с фазами развития истины*; вот фаза *абсолютного различия*⁵⁵. По мысли Фодера «последняя фаза социального прогресса» (коммунизм) будет «*чистой формой выражения сущности бога*»⁵⁶. Но бог, о котором говорит Фодера, не есть бог какой-либо из существующих религий.

Научная истина — это единственный бог Фодера. По мнению Фодера, «друзья заблуждений являются подлинными и

⁵⁰ M. Foderà. Op. cit., p. 265.

⁵¹ Ibid., p. 282.

⁵² Ibid., p. 284—285.

⁵³ Ibid., p. 285—286.

⁵⁴ Ibid., p. 323.

⁵⁵ Ibid., p. 257—259.

⁵⁶ Ibid., p. 164.

абсолютными атеистами»⁵⁷ и, следовательно, теисты являются друзьями истины. Правосудие и равенство суть нравственность и истина и, следовательно, составляют сущность теизма; неравенство, жестокость, несправедливость суть заблуждения, и, следовательно, составляют сущность атеизма. Не важно, что атеист уверяет, будто он религиозен или весьма набожен, ибо он «опадается быть разоблаченным» и поэтому «притворяется преданным богу и мнимой приверженностью богу прикрывает свои гнусные дела». Обман, фальшивая проповедь милосердия «не может считаться заслугой перед богом, который является высшей истиной»⁵⁸. Для Фодера не существует религии откровений и не существует иного мира, кроме мира материального. Комментируя третье письмо Ньютона к Бентли, в котором Ньютон утверждает, что непостижимым является то, что «грубая и неодушевленная материя могла бы без посредства чего-либо нематериального воздействовать на другую материю и перенести на нее какие-либо свои качества без взаимного контакта»⁵⁹, Фодера действительно заявляет: «когда речь идет о мире природы или о научных суждениях, читатель будет крайне удивлен, услышав такие слова, как материальный и нематериальный». Впрочем, продолжает он, «слово материя происходит от слова *mater*, поэтому этимологически это слово означает *порождающая* и слово *нематериальная* означает *непорождающая*»⁶⁰. И он видит сущность материального мира не в материи, понимаемой, как нечто статическое, а в энергии, находящейся в движении согласно собственным законам. «В природе,— пишет он,— все — абсолютная активность»⁶¹.

Установив в качестве абсолютной социальной истины принцип справедливости-равенства и подвергнув критике эмпирические доктрины экономистов, Фодера критикует и учения о происхождении права, которые он считает ложными, мотивируя это, как обычно, «влиянием привычек». «Значение, которое приобрел материальный интерес, таково, что в силу привычки, вопреки разуму, люди провозгласили кажущиеся невероятными принципы и доктрины; так стали говорить о праве де-факто, праве, основанном на завоевании, о праве, основанном на силе, о праве, возникающем вслед за позитивным законом, о воле как источнике права, откуда и возникает право собственности и т. п.»⁶². В действительности, по мысли Фодера, «в этих юридических учениях господствует не теория истины, но теория материального интереса»⁶³, попирая естественные законы и подводя под право фальшивую

основу и ложно объясняя его генезис. Поэтому Фодера намечает новый генезис, генезис справедливости, обязанностей, правосудия, права, долга и добродетели согласно теории истины, т. е. согласно принципу справедливости-равенства, управляющему миром общественных отношений. Справедливость-равенство является также принципом нравственности, из которого исходят обязанность, правосудие, закон, право, долг и добродетель»⁶⁴.

По мнению Фодера, обязанность, т. е. принуждение, следует ставить в связь со справедливостью-равенством. Действительно, всякий раз, когда устанавливаются отношения, не основанные на справедливости, возникает юридическое обязательство, которое должно вернуть их к статусу справедливости. Когда же, напротив, отношения основываются на справедливости-равенстве..., тогда господствует естественный закон, нравственность, и никаким обязательствам уже не может быть места. Другими словами, право, как полагает Фодера, имеет и может иметь своим источником только равенство или стремление восстановить равенство там, где оно было нарушено. «Следовательно, обязательство,— пишет Фодера,— это необходимость установить справедливость, и не может быть по существу обязательства в том, что ведет к установлению несправедливости»⁶⁵ (несправедливость-неравенство). Отсюда непреложный характер обязательства. Другими словами, правосудие должно быть не чем иным, как «заповедью о гуманных поступках согласно справедливости»⁶⁶. Следовательно, закон — не что иное, как «норма, которой должны руководствоваться в своих поступках люди в соответствии со справедливостью». Итак, справедливость-равенство является в общественной жизни мерилom всех вещей; цель права в этих условиях — «осуществление справедливости, причем средством для этого является обязательство, а из выполнения обязательства снова возникает справедливость. Существование права только в той мере является оправданным и обоснованным, в какой оно является системой норм, препятствующих нарушению равенства-справедливости и возвращению к неравенству». «Поскольку справедливость абсолютна и необходима, она может быть адекватна абсолютным и необходимым отношениям, и поэтому люди, живущие в условиях справедливости, имеют абсолютно все необходимое для благоденствия. И там, где торжествует справедливость, нет более физических и моральных различий между людьми. Из наличия у них всего необходимого вытекает, что никто не может уступить другому человеку часть этого необходимого, не совершая при этом несправедливости по отношению к самому себе, ибо остальные пользуются необходи-

⁵⁷ M. Foderà. Op. cit., p. 165.

⁵⁸ Ibid., p. 231.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Ibid., p. 307.

⁶² Ibid., p. 50.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Ibid., p. 51.

⁶⁵ Ibidem.

⁶⁶ Ibidem.

мым в такой же мере, как и он. Такая уступка не может быть продиктована разумом, так как разум в сущности и есть справедливость. Следовательно, может произойти только обратное: тот, у кого имеется необходимое, желая воспользоваться излишком, отнимает у другого необходимое»⁶⁷ и лишь после того, как произойдет это нарушение равенства, вступит в силу право, возникающее из эгалитарного долга. Горячее, ревностное выполнение этого долга является добродетелью, и добродетелен тот, кто не просто приемлет эгалитарную социальную систему (ибо это система общепринятая), но горячо поддерживает ее. «Там, где существуют отношения подлинного равенства, где существует подлинное сообщество, там не может быть безразличных, и все несут обязательства, но тот, кто трудится с подлинным усердием, совершает добродетельный поступок..., добродетель приравнивается к усердию в осуществлении справедливости»⁶⁸, т. е. равенства (когда эти два элемента между собой равны, возникает справедливость).

«Управление обществом согласно истине, справедливости, правосудию и добродетели создает подлинное человеческое сообщество». Из сформулированной подобным образом проблемы справедливости-равенства возникает проблема свободы.

Небезынтересно в этой связи напомнить, как ставят эту проблему Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте». Решению ее они предпослали анализ социальной структуры общества, разделенного на классы, и освещение экономических и исторических законов, которые приводят к переходу от капиталистического общества к социалистическому. На этой именно стадии, отмечали они, свободное развитие каждого индивидуума будет условием свободного развития всех.

Фодера критикует тех, кто характеризует право как «совокупность условий, при которых свобода каждого отдельного человека может сосуществовать со свободой всех»⁶⁹. «Слово *свобода*, — пишет он, — магическое слово софистов и основа всякой софистики, ибо истинное значение этого слова, по самой своей сути, противоположно разуму: этого софисты никогда не понимали и на эту тему фантазировали и продолжают бесконечно фантазировать»⁷⁰; Фодера не приходит в восторг от «скакуна, который без узды и цели мчится по открытому полю», ему по душе «быстрое движение к заранее определенной цели»⁷¹. По его мнению, новое общество будет создано не в результате обеспечения и защиты свободы отдельного человека, а благодаря тому, что в ос-

нову планового развития общественной структуры будут положены научные и эгалитарные принципы.

Фодера считал Руссо и Маккиавелли величайшими мыслителями в области политических и общественных наук; правда, в отношении Руссо он делает известные оговорки («писатель, непревзойденный по стилю, полный добрых намерений, но не настоящий философ»); что же касается Маккиавелли, то его «Государь» — «самая замечательная книга, какая когда-либо существовала»⁷², хотя она «сама по себе безнравственна, как безнравственно поведение честолюбивого государя..., в то время как подлинная слава, подлинное торжество состоят в том, чтобы делать добро людям, в том, чтобы сделать человечество счастливым»⁷³. Те самые принципы, которые следовали принципам «Государя», яростно обрушивались на книгу и запрещали ее печатать, ибо, применяя на практике проповедуемые ею принципы, они не хотели, чтобы принципы эти были преданы гласности. Руссо пытался оправдать Маккиавелли, утверждая, что его высказываниям следует придать смысл обратный тому, какой содержится в книге «Государь»⁷⁴, ибо, по его мнению, Маккиавелли в этом произведении «предупреждает народы о коварных действиях честолюбцев и о порочной политике, которой они руководствуются, управляя народом»⁷⁵. Фодера сомневается в правильности интерпретации Руссо концепции Маккиавелли. Он полагает, что Маккиавелли при исследовании человеческого общества пользовался методом, получившим впоследствии наименование метода Бекона, т. е. использовал для анализа социальных явлений научные приемы, которыми пользуются для анализа явлений природы. «При эмпирическом подходе факт определяет ход рассуждения о явлениях природы, т. е. в основе его лежат факт и индукция, таков путь научного прогресса. Придерживаясь этих правил, Николо (Маккиавелли. — Д. Б.) написал свой труд»⁷⁶. Можно ли заявить, что какое-либо «произведение написано с дурной целью лишь потому, что в нем толкуется о дурных и пагубных сюжетах?»⁷⁷. Фодера считает, — и это весьма тонкое и разумное соображение, — что Маккиавелли написал «Государя» не для того, чтобы вложить орудия угнетения в руки угнетателей, как полагают моралисты, или чтобы передать орудия защиты в руки угнетенных, как полагает Руссо; в своей книге он дает объективную научную картину «эмпирических результатов, предлагаемых нам историей»⁷⁸, подлинную картину того, какую конкрет-

⁶⁷ M. Foderà. Op. cit. p. 54

⁶⁸ Ibid., p. 56.

⁶⁹ Ibid., p. 58.

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ Ibidem.

⁷² Ibid., p. 59.

⁷³ Ibid., p. 61.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ Ibid., p. 61—62.

⁷⁶ Ibid., p. 63.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Ibid., p. 64.

ную роль играют социальные и политические силы. Поэтому, по мнению Фодера, Маккиавелли не заслуживает ни похвал, ни порицаний, и в его труде нет никакой преднамеренности. Всякий проникательный человек восхищается позитивными историческими познаниями этого выдающегося писателя, но для того, чтобы Маккиавелли мог писать книги, отличные от тех, какие он писал, т. е. не в духе «Государя» или же «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия», а в духе истинных, достойных человека принципов, для этого следовало бы, чтобы он руководствовался высокими идеями, которые, возобладав над эмпиризмом, придали бы возвышенный смысл механической связи фактов⁷⁹. Впрочем, «если, Государь Маккиавели честолюбив, то не менее честолюбива и римская республика, которая, стремясь к мировому господству, обращала в рабство народы, разница между Государем и этой республикой, бывшей для писателей образцом всех античных добродетелей, состоит лишь в том, что при господстве Государя обращается в рабство один народ, при республике — многие народы, священные же права человечества попирались как Государем, так и римской республикой. Разве мог Маккиавелли, точно следуя эмпирическим нормам, которых он придерживался, иначе развернуть свои воззрения?»⁸⁰.

Фодера придает большое значение воспитанию как средству освобождения людей от порочных привычек, он ратует за систему обучения, которая будила бы мысль и поощряла бы поиски истины, он выступает за «изучение предметов, которые насыщены идеями и которые обогащают ум истинами»⁸¹. В основу образования должно быть положено то, что пробуждает, а не то, что притупляет ум, поэтому он враждебно относится к чрезмерному увлечению древними языками, а, в сущности, также и языками современными, которые «произошли от древних языков и являются в то же самое время порождением привычки» и поэтому могут лишь «засорять умы»⁸². Нужен рациональный и универсальный язык, благодаря чему «философия языка сомкнулась бы с философией разума, подобно тому как последняя сомкнулась бы с философией природы, так что в философии языка отражалась бы философия природы; а поскольку природа абсолютна и одинакова всюду, это соотношение составило бы, следовательно, универсальную основу языка»⁸³, что помогло бы объединить людей в единую семью. Фодера считает «неправильным засорять память бессмысленными словами, как это делается при изучении

древних языков, или загружать ее туманными и не основанными на истине идеями»... «Кроме того, не следует обременять память энциклопедическими познаниями, чужими мыслями или заполнять ее мелкими, бессвязными факторами и событиями или же возбуждать ее чтением стихов, проповедей... Напротив, привычка к подлинно интеллектуальному мышлению возникает из творческой, собственной деятельности человека, когда ум старается сознательно разработать элементы познания, накопленные памятью. А элементы эти направлены всегда к усилению возвышенной связи между человеком, мирозданием и всем человечеством во имя самой высокой и благородной цели с тем, чтобы великие законы природы и человечества, которые учитывает ум, внушили бы душе и сердцу человека благородные чувства и высокие добродетели и служили бы ему руководством на пути достижения нравственного и физического счастья»⁸⁴.

Математика, которая считается самой совершенной из всех наук, на деле основывается, по мнению Фодера, на чистейшем эмпиризме, хотя она сама по себе предельно гармонична; между тем физика, химия, биология представляются ему «областями науки, в которых свет теории озаряет многообразие фактов»⁸⁵. Велико значение образования: оно ведет к развитию интеллекта, а когда «деятельность ума достигает столь высокого уровня, что ему будет легко познать природу и находить удовлетворение в созерцании мира вещей, тогда и сердце возрадуется, поскольку ум будет стремиться к справедливости — основе абсолютного правосудия и абсолютной нравственности, основе совершенного человеческого сообщества, истинной цивилизации, основе подлинного человеческого счастья»⁸⁶.

Таким образом, труд Фодера «Привычки, объясненные согласно теории истины», является весьма значительным вкладом, внесенным итальянцами в утопический социализм, классическими представителями которого во Франции были Фурье и Сен-Симон, а в Англии Оуэн. Как и во всякой другой утопической системе, в системе Фодера решающая действующая сила, призванная осуществить социальные преобразования, не возникает из определенных социальных или политических исторических условий (и не однозначна революционной деятельностью партии или масс). Такой силой является единственно идея, именно та особая идея, которая, будучи понятой и примененной к жизни, окажется сама по себе достаточной, чтобы изменить лицо мира: «...идея, достойная Марка Аврелия и Антонина Пия, изменила бы лицо мира, земля давала бы обильный урожай, люди стали бы жить лучше, цивилизация достигла бы высоких вершин, человечество образо-

⁷⁹ M. Foderà. Op. cit., p. 64.

⁸⁰ Ibid., p. 65.

⁸¹ Ibid., p. 97.

⁸² Ibid., p. 99.

⁸³ Ibid., p. 99—100.

⁸⁴ Ibid., p. 105—106.

⁸⁵ Ibid., p. 116.

⁸⁶ Ibid., p. 118.

вало бы ничем не запятнанное сообщество, достигло бы подлинного и всеобщего счастья»⁸⁷.

Но к середине XIX в. время чистого утопизма уже прошло. И к 1846 г. Фодера ушел с головой в конспиративную деятельность, о которой хотелось бы получить более подробные сведения, чем те, какие удалось извлечь из найденных нами немногих полицейских донесений. Так, если верить доносу, который мы нашли среди полицейских бумаг, хранящихся в Государственном архиве в Палермо, то Фодера, закончив свою книгу, занялся активной политической деятельностью⁸⁸. Отбыв в 1846 г. тюремное заключение, Фодера отправился во Францию, где жил в качестве политического эмигранта. Следовательно, Дель Карретто был плохо информирован, когда в своем «совершенно секретном» послании от 9 ноября 1847 г., направленном генеральному наместнику Сицилии, писал следующее: «Вашему превосходительству, наверно, известно, что доктор Микеле Фодера, профессор философии в королевском университете Палермо, пользуясь каникулами, ездил в прошлом году в Париж для научных занятий; при возобновлении учебного года он просил и получил продление отпуска еще на один месяц, по истечении этого срока он, несмотря на законность его пребывания в Париже, был тут же уволен в отставку приказом его величества. Теперь же королевский посол во Франции сообщает, что этот Фодера, который в прошлом казался человеком почтенным и мирным, в связи с последними событиями в королевстве разоблачил себя, хвастаясь тем, что является в Палермо одним из главарей секты Молодая Италия, в ряды которой, по его словам, он привлек множество людей из народа, представителей духовенства и монахов, утверждая, что вскоре там должно вспыхнуть восстание, и распространяясь весьма самоуверенно по поводу переговоров, которые он ведет с одним поляком по имени Совлинский с целью завербовать его земляков, чтобы вместе с ними произвести высадку в Сицилии и тем самым дать сигнал ко всеобщему восстанию. Наконец, он говорит, что для получения необходимых для данной цели денег он продаст английскому правительству одно свое важное изобретение, позволяющее уничтожить в военное время лагерь противника хи-

мическими веществами⁸⁹. Сообщаю все это Вашему Превосходительству для использования по Вашему усмотрению; покорнейше прошу Вас сообщить мне, если сочтете целесообразным, сведения, которыми Вы, возможно, будете располагать о данном субъекте»⁹⁰. Едва только 12 января 1848 г. в Палермо вспыхнула революция, Фодера вернулся на родину и приступил к изданию газеты «La sentinella del popolo», которая отражала настроения крайне левого крыла демократического движения.

Об участии Фодера в событиях 1848 г. в Сицилии нам мало известно, и было бы целесообразно продолжать дальнейшие изыскания. Нет сомнения, что Фодера поддерживал связь с теми представителями низшего духовенства, которые в прошлом были карбонариями, а затем возобновили свою революционную деятельность во главе крестьянских масс. Он действовал главным образом среди них и среди студентов и участвовал в *Народных клубах*, которые в Палермо, как и в остальной Италии, являлись центрами самой радикальной революционной деятельности. В 1848 г., до того как ему удалось приступить к более широкой политической деятельности, он внезапно умер от яда. Это был не единственный случай: такой же смертью умер другой палермский крайне левый демократ, бывший карбонарий, поддерживавший, по всей вероятности, связь с Фодера, отец Ло Чичеро из монастыря Святой Анны. Борьба между умеренными и демократами приняла в Палермо особенно ожесточенный характер. Даже Розалино Пило — демократ, не придерживавшийся крайне левых взглядов (впоследствии вместе с Карло Пизакане подготовивший в 1857 г. экспедицию на Сапри и в 1860 г. направившийся в Сицилию, чтобы поднять народное восстание и тем самым подготовить высадку Гарибальди), — подвергся в 1848 г. таинственному покушению. Десяткам других демократов грозила смерть. Фодера погиб первым.

⁸⁹ Из цитированного выше произведения Мендола мы знаем, что Фодера работал над рядом смелых научных проблем, как, например, над применением электрической энергии к двигателям с целью замены паровых двигателей электрическими, над созданием системы управления воздушных кораблей и утверждал, как пишет Мендола, что «добился разрешения этих проблем».

⁹⁰ А. С. Р. Папка 514.

Тематические материалы:

Дж.Берти. Демократы и социалисты в период Рисорджименто / перевод с итал.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p120414416.htm#424698281>

М.Ковальская. Италия в борьбе за национальную независимость и единство. От революции 1831 г. к революции 1848-1849 гг.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/risorgimento_kovalskaya.pdf

⁸⁷ Ibid., p. 117.

⁸⁸ Текст донесения гласит: «Палермо, 18 марта 1846 года. Ваше превосходительство, Министр полиции! Послушайте правду, которую я вам открою ради общественного спокойствия. Врач Фодера раздавал яд множеству молодых людей, в числе которых находились сыновья его брата Д. Д. Рафаэле и другие его друзья, являющиеся руководителями политических сект; они стремятся погубить многих верных престолу подданных и хотят, чтобы в народе распространился слух, будто этот яд исходит от короля; когда же в королевстве разгорится восстание, тогда в Сицилию явится некто другой, который сейчас находится на Мальте, и главари бунтовщиков получат громадную награду. Подпись: Кармело Рандаццо» (А. С. Р. Папка 514).